

С.В. Костерин

ВРЕМЕННЫЙ ВАРШАВСКИЙ КОМИТЕТ
ПО БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ В РОССИИ
(1921–1922 гг.)

В статье на основе документов бывшего Пражского архива освещена история деятельности в Польше Временного Варшавского комитета по борьбе с голодом в России. Главное внимание уделено планам и деятельности комитета по оказанию помощи голодающим. Делается вывод о том, что, несмотря на желание облегчить участь голодающих в России соотечественников, реальной помощи комитет оказать не смог ввиду отсутствия соответствующих организационных и материальных возможностей.

Ключевые слова: русская эмиграция, Польша, Варшава, общественная организация, голод, эпидемия, помощь голодающим.

Голод 1921–1922 гг. – одна из наиболее трагических страниц отечественной истории, он стал общегосударственным бедствием и вызвал сочувственный отклик международных, благотворительных организаций за рубежом, а также в среде русской эмиграции, пытавшейся обратить внимание иностранных правительств и организаций на необходимость оказания помощи голодающим.

К наименее изученным вопросам этой темы относится деятельность небольших общественных организаций в разных странах, в основном состоявших из русских эмигрантов. Такие организации образовались в Париже, Берлине, Лондоне, Праге, Белграде, Константинополе, Эстонии, Финляндии и Польше. В данной статье осветим деятельность Варшавского Комитета по борьбе с голодом в России.

3 августа 1921 г. в Варшаве инициативной группой, состоявшей из российских эмигрантов, проживавших в Польше, в составе

А.Л. Бема, социалиста, сотрудника организации Б.В. Савинкова Н.Г. Буланова, кадета П.Э. Бутенко, Б.Р. Гершельмана, Л.В. Камчатова, В.Э. Кандыбы, В.А. Косинского, А.Г. Лелюхина, кадета Н.К. Штемберга принимается решение об организации Временного Варшавского Комитета по борьбе с голодом в России. Следует отметить участие в Комитете представителей диаметрально противоположных политических сил, начиная от монархистов и заканчивая социалистами. У них не получалось договориться в политической деятельности, но все они понимали, что только общими силами возможно помочь голодающим соотечественникам.

На первом заседании Комитета временным председателем избрали Петра Эрастовича Бутенко (1880–1960), по профессии инженера. В 1903 г. П.Э. Бутенко окончил Киевский политехнический институт, специалист по бетонному строительству. За несколько лет до революции 1917 г. вступил в кадетскую партию. Летом 1917 г. избран гласным Киевской городской думы, а в 1919 г. – Киевским городским головой. В эмиграции с 1920 г., жил в Югославии, потом переехал в Польшу. Причиной выбора П.Э. Бутенко, на наш взгляд, стала его роль в среде русской эмиграции в Польше. С 1921 г. он занимал должность уполномоченного Земгора в Польше и возглавлял Русский Попечительный Комитет об эмигрантах в Польше (РПК), оказывавший значительную всестороннюю помощь русским эмигрантам¹. Деньги, поступавшие от Земгора, проходили через руки П.Э. Бутенко, который их распределял между русскими общественными организациями. Поэтому в данном случае сыграл свою роль финансовый фактор и опыт П.Э. Бутенко в общественной работе.

По проекту положения о Комитете он создавался для объединения русских общественных сил в Польше и организации специалистов для совместной работы с русскими и международными организациями по ликвидации голода².

Исходя из анализа протоколов заседаний Комитета, можно сделать вывод о коллегиальном принятии всех решений. Также можно утверждать, что Комитет имел простую одноуровневую структуру, а должность председателя была формальной. Комитет подчинялся только польским законам.

На первом заседании 3 августа определили задачи. Они заключались в принятии мер к пополнению Комитета людьми, имеющими возможность принести пользу, в привлечении к участию в работе Комитета русских организаций через их представителей. Также в Комитете считали необходимым установить связь с Польским Комитетом помощи голодающим и с русскими комитетами

по борьбе с голодом в других странах. Кроме того, участники Комитета решили немедленно приступить к регистрации специалистов – медиков, железнодорожников и по продовольствию³. Таким образом, поставленные задачи свидетельствуют о том, что его члены понимали нереальность в одиночку помочь голодающим – миллионам! – русским, поэтому они стремились объединить русскую и польскую общественность для борьбы с голодом.

Заявление о создании Комитета нашло отклик в эмигрантской среде, и ряд организаций присоединились к деятельности Комитета. Уже 13 августа о своем желании сотрудничать заявили такие русские организации, действовавшие в Польше, как Русский Комитет, Миссия Российского Общества Красного Креста, Союз студентов-эмигрантов, Русская Академическая Группа. В Комитет в разное время входили: Н.Г. Буланов, П.Э. Бутенко, О.В. Воинов, Л.И., князь Д.В. Мещерский, Д.М. Одинец, В.И. Семенов, Н.С. Серебренников, П.Н. Симанский, Д.В. Философов и др.⁴ Входящие в Комитет люди играли значительную роль в деятельности русских эмигрантских организаций в Польше. Многие из них являлись руководителями общественных организаций и имели доступ к представителям высшей польской власти.

А.В. Урядова отмечает наличие в Комитете бывших депутатов Всероссийского Учредительного Собрания⁵, что не нашло подтверждения в выявленных нами документах. В составе Комитета большинство составляли представители Миссии Российского Общества Красного Креста в Польше и Русского Попечительного Комитета (РПК). Причина этого состоит в следующем: миссия РОКК в Польше, «идя навстречу высоким задачам Комитета по борьбе с голодом в России», вошла в полном составе в Комитет⁶, а РПК возглавлял П.Э. Бутенко – один из инициаторов создания Комитета по борьбе с голодом в России. Также в полном составе в Комитет вошел Русский Комитет в Варшаве⁷, заместителем председателя которого, а затем и председателем, являлся П.Э. Бутенко. В.И. Семенов – председатель Русского Комитета, также входил в Комитет по борьбе с голодом. Туда же вошли представители Академического Союза и Союза Студентов.

Русские эмигрантские организации в Польше вошли в состав Комитета еще и потому, что в среде общественно активной части русской эмиграции в Польше существовали тесные связи. Например, возглавляемый П.Э. Бутенко Русский Попечительный Комитет об эмигрантах в Польше оказывал помощь Русскому Комитету и Союзу Студентов⁸. Кроме того, многие организации находились в здании, принадлежащем Русскому Попечительному Комитету

(улица Маршалковская, дом 68). Также объединение организаций было необходимо для придания деятельности Комитета большого веса и легитимности, чтобы Лига Наций, международные благотворительные организации, польское правительство и т. д. восприняли всерьез деятельность и заявления Комитета.

В.А. Урядова пишет, что организации, состоявшие в Комитете, самостоятельно проводили работу по борьбе с голодом, что свидетельствует о недостаточно успешной работе Комитета в деле сплочения сил русской эмиграции. Например, культурно-просветительская комиссия Русского Комитета в Варшаве провела ряд лекций о голоде. Варшавский Комитет по борьбе с голодом в России, как правило, поддерживал эти мероприятия организационно и финансово⁹. Но лекции не могли реально помочь голодающим, они лишь информировали общественность о ситуации в России и подпитывали страх перед наплывом голодных и больных людей в Польшу.

Временный Варшавский Комитет по борьбе с голодом в России стремился координировать свою деятельность с работой и решениями Международного Красного Креста¹⁰ и установил с ним связь. 15 августа 1921 г. в Женеве под руководством Ф. Нансена состоялась международная конференция о помощи голодающим в России. Лига Наций отказалась принять участие в помощи голодающим в России и обвинила Нансена в симпатиях к большевикам и приверженности интересам советского правительства. Тогда Ф. Нансен устроил встречу с представителями Советской России, Германии, Австрии, Польши. Ее результатом стало создание организации комитета «Помощь Нансена» (по поручению Международного Красного Креста). Организация Ф. Нансена провела огромную работу по оказанию помощи голодающим Поволжья.

Варшавский Комитет по борьбе с голодом в России не был единственной организацией в Польше, созданной для помощи голодающим. По инициативе поляков, членов Польско-Русского Кола образовался Польский Общественный Комитет помощи голодающим в России¹¹. Варшавский Комитет попытался установить связи с Польским Комитетом и 5 августа обратился к нему с письмом, в котором говорилось о твердой уверенности в необходимости тесного сотрудничества комитетов¹². В ответном письме указывалось на то, что совместная работа возможна, но ситуация в Польше не позволяет рассчитывать на большую помощь¹³. Надежда Комитета на продуктивное взаимодействие с Польским Комитетом не оправдалась.

Организации по борьбе с голодом создавались и в Советской России. 21 июля 1921 г. в Москве возник Всероссийский комитет

помощи голодающим (ВКПГ), а декретом ВЦИК от 18 и 22 июля 1921 г. создавалась Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК. Появление ВКПГ заставило членов Варшавского Комитета обсудить вопрос о совместной с ним работе. На заседании 22 августа 1921 г. члены Комитета заслушали доклад Б.А. Евреинова «О задачах и формах деятельности Комитета и о необходимости выступить с декларативным заявлением о готовности к совместной работе с Московским Общественным Комитетом помощи голодающим». После прений по докладу Б.А. Евреинова постановили «признать излишним принимать решение об отношении к Московскому Комитету, а также выяснить в местных иностранных организациях могут ли и каким образом быть использованы русские эмигрантские силы для совместного с ними сотрудничества»¹⁴. Таким образом, сотрудничество Комитета с Москвой было отложено на неопределенный срок. Причины такого решения видятся в следующем: в ВКПГ состояли среди прочих коммунисты, а политические взгляды членов Варшавского Комитета были антикоммунистическими; по данным из Константинополя, имевшимся в распоряжении Комитета, председателем ВКПГ был избран изначально кадет Н.Н. Кутлер, но советское правительство не утвердило его, и председателем был избран большевик Л.Б. Каменев; членам Комитета стало известно об отсрочке на неопределенный срок предполагавшегося выезда за границу членов ВКПГ для привлечения иностранных организаций к делу помощи голодающим в России. Вследствие этих причин члены Варшавского Комитета могли не доверять ВКПГ, считая эту организацию не самостоятельной, а подконтрольной большевикам. Более предпочтительным для Комитета виделось сотрудничество с иностранными организациями, о чем и было сказано в резолюции. Что же касается сотрудничества с ЦК Помголом, то о сотрудничестве с ним не могло быть и речи, вопрос этот даже не обсуждался, так как Помгол создавался большевиками и действовал под их контролем.

Члены Комитета регулярно информировались о ходе работы по ликвидации голода в России, о мерах, предпринимаемых американскими общественными организациями и Международным Красным Крестом для оказания помощи голодающим, о переговорах этих организаций с советской властью. Но эта информация не служила основой для каких-либо конкретных шагов, а только использовалась для докладов на заседаниях общества.

Таким образом, члены Варшавского Комитета по борьбе с голодом летом 1921 г. не имели реальных возможностей для помощи

голодающим: с советскими организациями взаимодействие было невозможно по политическим мотивам, а собственными средствами Комитет не располагал. Средств организаций, входивших в Комитет, было недостаточно, кроме того, сами эмигранты нуждались во всесторонней помощи.

Весной 1922 г. стало очевидно, что голод в России может непосредственно затронуть Польшу. Весной 1922 г. началось усиленное движение с голодных мест – в Сибирь и Туркестан, а также на юг – в Украину. Кроме того, уже тогда многие голодающие направлялись на Запад – к границам Польши и Румынии, но суровая зима с глубоким снегом остановила их движение. С наступлением весны голодающие должны были двинуться ближе к границе, в надежде попасть в страны Запада. Часть голодающих с Волги направлялась в Украину, где, натолкнувшись на таких же голодающих, должна была направиться на Запад вместе с голодающими из Украины. «Никакие угрозы, никакие репрессии не остановят этого потока людей, ибо позади – одна смерть. Даже если они встретят на своем пути непреодолимую преграду, вроде военно-санитарного карантина, то и тогда они не пойдут назад, а будут скопляться в пограничной полосе. Места их стоянки сделаются очагами самой свирепой заразы, которая, несмотря на все мероприятия, будет просачиваться за кордон», – считали члены Варшавского Комитета. Тем более пограничная местность в районе Барановичей и вдоль Польской железной дороги вся была поражена эпидемиями. В Ровно всю зиму свирепствовал сыпной тиф. «Ровно и Барановичи являются главными пропускными пунктами беженцев. Смертность сильно поднялась при наступлении холодов. Приезжающие страшно слабы»¹⁵, – говорил член Варшавского Комитета Ю.Я. Азаревич весной 1922 г.

Русские общественные организации – Земгор и Красный Крест – по мере сил организовали помощь беженцам, устроили на границе чайно-питательные пункты, столовые и общежития, имелся план медицинской помощи¹⁶. Но это не могло решить проблему, так как рассчитывалось на отдельных беженцев, проникавших в Польшу и искавших в ней политического убежища.

Голодающие обеспечивались питанием, но не получали медицинской помощи, одежды; впрочем, и питания не всегда хватало. Правительство Польши образовало межведомственное совещание для обсуждения вопроса помощи голодающим в России¹⁷. Но так как Польша находилась в состоянии экономического и социального кризиса, выделять средства на помощь голодающим в России не спешила. Поэтому имеет смысл полагать, что совещание, прежде всего,

заботил вопрос проникновения в Польшу голодающих и возможного распространения в связи с этим эпидемий. Угроза эпидемий стала одним из ключевых аргументов при обращении Варшавского Комитета к польским организациям и правительству.

Весной 1922 г. шла подготовка к Международной санитарной конференции в Варшаве. Комитет составил меморандум, опубликованный в варшавской газете «Вестник эмигранта»¹⁸, где заявлял о готовности «принять участие в работах или конференции, или в заседаниях совещательного характера и осведомить конференцию о действительном положении дела в России, которое нам лучше известно и предложить свой исполнительный аппарат»¹⁹. Решение принять участие в конференции было обусловлено в том числе и желанием активной части русской эмиграции заявить о себе, показать свое значение и возможность принести пользу в защите Польши от эпидемий.

В меморандуме излагается план борьбы с голодом и эпидемиями. План включал в себя организацию нейтральной полосы вдоль границы России с Польшей, Румынией и прибалтийскими государствами; организацию санитарных участков; организацию управления по борьбе с эпидемиями; создание пунктов приема и обеззараживания прибывающих и выпускных пунктов²⁰.

В Комитете понимали, что правительство Польши и мировое сообщество необходимо убедить в необходимости помощи голодающим в России, поэтому члены Комитета, планировавшие озвучить свой доклад на Международной санитарной конференции в Варшаве, прогнозировали в нем бегство голодающих в Польшу. Но масштабную помощь польской стороны получить не удалось, так как, что уже отмечалось, Польша находилась в состоянии тяжелого, длительного экономического кризиса и сама получала помощь от АРА, поэтому оказать значительную помощь голодающим в России не могла.

Варшавский Комитет привлекал и регистрировал специалистов, имевших возможность оказать помощь голодающим, для отправки в Советскую Россию. К 4 августа 1921 г. Комитетом были зарегистрированы: по санитарной части – 10 врачей, 3 фельдшера и лекарственных помощника, 4 сестры милосердия; по транспорту – 1 инженер, 3 техника, 4 конторских служащих железной дороги; по продовольствию – 7 человек, работавших в общественных организациях по продовольствию на ответственных должностях, 23 работавших во время войны по продовольствию и транспорту в воинских частях²¹. В основном были зарегистрированы медицинские работники.

Главным условием, выдвигавшимся специалистами, была гарантия личной неприкосновенности. Один из специалистов, изъявивший желание отправиться в Россию, писал: «Ввиду того, что в Совдепии свирепствует холера, я изъявляю свое согласие работать в одном из отрядов эпидемических по борьбе с холерой в качестве фельдшера (я школьный фельдшер с 8-летним стажем и работал на эпидемии холеры 1915 г.) и согласен выехать во все те места, куда нужно, но чтобы личность моя не была прикосновенна никому в России, кроме Международного Красного Креста. Не верю ни одному комиссару и коммунисту ни в России, ни в Польше и нигде и если будет гарантия о неприкосновенности при работе на эпидемии, то я могу ехать, а лживым зазываниям и обещаниям со стороны большевиков не верю»²². Большевикам не доверяли, их боялись, считали их власть незаконной и преступной.

Международная санитарная конференция, где 20 марта 1922 г. был озвучен доклад Варшавского Комитета помощи голодающим, приняла положения о совместной борьбе с эпидемиями. В решении конференции отмечалось, что ликвидация и предотвращение эпидемий требует больших усилий, которые не под силу только заинтересованным государствам, поэтому все европейские правительства должны принять активное участие в борьбе с эпидемиями в Восточной Европе²³. Однако конференция в Варшаве не имела практического результата для помощи голодающим, так как была созвана под конец периода голода, а основную заботу ее составляло обсуждение, выработка мер и решение вопроса о финансировании предотвращения развития и ликвидации эпидемий в Восточной Европе, а не оказание реальной помощи голодающим.

Основными итогами восьмимесячной работы Варшавского Комитета стали: 1) объединение большинства русских эмигрантских и русских польских организаций; 2) установление связи с другими подобными организациями за рубежом; 3) разработка меморандума для санитарной конференции в Варшаве с обоснованием необходимости участия русских организаций в Польше в помощи голодающим в России и предотвращения гуманитарной катастрофы, а также включавшего в себя подробный план борьбы с голодом и эпидемиями; 4) пропаганда идеи, в том числе и в польском правительстве, о необходимости оказывать помощь голодающим. Таким образом, формально Комитет выполнил свои ближайшие задачи, правда на это потребовалось восемь месяцев, но действительной помощи Комитет оказать не мог, да и не планировал оказывать, здраво оценивая свои скромные возможности.

- 1 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7004. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
- 2 Там же. Л. 23.
- 3 Там же. Л. 6.
- 4 Там же. Л. 15.
- 5 *Урядова А.В.* Голод 1921 года и русская эмиграция в славянских странах // Славяноведение. 2009. № 1. С. 12.
- 6 ГА РФ. Ф. 7004. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
- 7 Там же. Л. 18.
- 8 Там же. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 10. Л. 35–37 об.
- 9 *Урядова А.В.* Указ. соч. С. 12.
- 10 ГА РФ. Ф. 7004. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
- 11 Там же. Л. 41.
- 12 Там же. Л. 10.
- 13 Там же. Л. 41.
- 14 Там же. Л. 22–22 об.
- 15 Там же. Л. 1.
- 16 Там же. Л. 166 об.–167.
- 17 Там же. Л. 41.
- 18 Вестник эмигранта (Варшава). 1922. 15 марта; 1 апр.; 16 апр.
- 19 ГА РФ. Ф. 7004. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- 20 Там же. Л. 167–168 об.
- 21 Там же. Л. 79.
- 22 Там же. Л. 3 об.
- 23 Вестник эмигранта (Варшава). 1922. 1 апр.